
Алексей ЧЕСТНЕЙШИН

РАССКАЗЫ

О ДРУГЕ

Дружок у меня есть один. Вернее сказать, близкий знакомый. Учились вместе.

Так вот, недавно приходит ко мне и говорит... хотя, пожалуй, следует рассказать по порядку и начать со времен далеких.

1

В начале девяностых учились мы с ним в одном провинциальном училище. Готовили из нас мастеров по ремонту радиоаппаратуры. «Учились» — это говоря формально, на самом же деле ни черта мы не учились. Так просто ходили на пары, часы просиживали там и все. Начало девяностых! — время-то какое развеселое было. Я не знаю, как остальные, а я просто уверен был, что в стране вот-вот начнется гражданская война. А я в училище сижу как дурак, преподавателя слушаю, к каким-то идиотским экзаменам готовлюсь. Смешно. Потом, конечно, оказалось, что никакой гражданской войны нет и не будет. Но это было потом, а тогда — в головах у нас было черт-те что, будущность не блистала яркими красками, а сама учеба представлялась чем-то в высшей степени абсурдным.

Сам я был не местный и жил в общежитии. А приятель мой был парень городской и, конечно же, жил у родителей. Общность интересов — вот, пожалуй, единственное, что в том возрасте нужно для сближения людей. Мы бродили по городу с бутылками пива, болтали о всякой всячине: о музыке, книжках, ну, и о политике, конечно. Я читать любил, и в то время у меня как раз произошел скачок от Джека Лондона к Герману Гессе. Мне льстило, что приятель считал меня специалистом в мире литературы. Моя тумбочка в двушке (так называется комната, рассчитанная на двух человек) всегда была забита книгами. Их я и покупал, и из библиотек носил, — а записан я был во все четыре городские библиотеки.

Моего соседа по комнате на втором курсе выгнали за пьянку. Как же он пил! — ну это вообще отдельная история. В общем, жил я комнате один.

И вот однажды приятель мой говорит:

— Слушай, у меня идея есть, давай создадим свою рок-группу.

Пришел ко мне в общежитие с гитарой и на полном серьезе бабах: «рок-группу». Ни больше ни меньше. Конечно, без сарказма я ответить не мог.

— Ты, наверное, весь день сегодня думал, чего бы такого отчебучить, чтоб потом не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы.

Такие шутки были у нас нормой, никто не обижался. Приятель тоже не обиделся.

Он начал меня убеждать. Дескать, это ерунда, что я не умею ни на чем играть и что мне в детстве бегемот на ухо наступил, — можно на ударной установке сидеть

Алексей Александрович Честнейшин родился в 1976 году в селе Бестужево Устьянского района Архангельской области. Окончил Литературный институт имени Горького (отделение прозы, семинар Н. С. Евдокимова). Печатался в журнале «Урал». Живет в Москве.

«и в такт музыке: бумс-бумс-бумс». А самое главное, говорил он, рок-группа — это не просто сборище музыкантов, это прежде всего коллектив единомышленников, личностей, духовно близких.

— Я давно мечтал создать рок-группу, — его голос стал особенно серьезен, — понимаешь, для меня это дело всей жизни, — и по его взгляду можно было понять, что он не шутит.

Тем временем вскипел чайник. Сели пить чай с ванильными сухарями. Он рассказывал про какого-то знакомого, виртуозно владеющего соло-гитарой, про то, как можно доставать инструменты или брать напрокат. И чтоб уж совсем меня дожать, добавил:

— Нам бы и корректор для текстов не помешал.

— А что, уже и тексты песен имеются?

— Да, — он отставил стакан с чаем и взял в руки гитару, — недавно сочинил, тебе должно понравиться.

Я приготовился внимать. А сам думаю: сейчас зазвучат «мечи», «солнца лучи», «кровь — любовь», «рыцари», в общем, что-нибудь в духе раннего Гумилева.

Как же я ошибся! Оказывается, плохо я знал своего друга. Его «песня» повергла меня в глубокое уныние. Я вообще о ней ничего говорить не хочу. Настолько убогая она была по смыслу, а главное — и по лексикону. А впрочем, раз уж начал, скажу: в песне шла речь о сумасшедших детях, которые курят траву, и о дьяволе, стоящем у них за спиной. И ладно бы, написана была с умом, а то ведь заурядный набор бестолковых слов и фраз, которые, по его мнению, должны звучать устрашающе, — что еще один минус. Бред сумасшедшего. Даже хуже, бред сумасшедшего хотя бы интересен своими неожиданными ассоциативными скачками, тут же все однородно и монотонно. Никакая корректура «песню» не спасала.

— Ну как, — спросил он, — понравилось?

Я молчал. Я думал. По нему было видно, что уж ему-то песня очень нравится. Что делать? Надо в глаза ему сказать, что он занимается откровенной дуротой. Или не надо? Перспектива оплевать его святыню и, конечно, рассориться с ним вдрызг не очень меня радовала. Я вздохнул, налил себе еще чаю, отломил сухарь.

— Нет, не понравилась.

— М-да? А почему? — он был явно раздосадован.

— Ну, не понравилась, и все. Не нравятся мне такие песни, — я уже сам завибрировал, мне стало противно, и чтоб уж покончить со всем этим, я сказал: — Ты меня извини, конечно, но ни в какой рок-группе я участвовать не буду.

А впрочем, рассорились мы с ним не сильно. Какое-то время он считал меня снобом, потом это прошло. Из его затеи, конечно же, ничего не вышло. Видать, он так и не встретил поклонников своего творчества. И рано или поздно он понял, что все-таки занимается дуротой. Такой вот бесславный финал его «дела всей жизни».

2

Еще случай.

Прошло года четыре. Мы кое-как получили свои дипломы и, как могли, устраивались. Я так и жил в общежитии. Там у нас был негласный порядок: человек, окончивший училище, может и дальше жить в своей комнате. Плата за съём небольшая, куда она идет, неизвестно, но думаю, что комендант внакладе не остается. А все это потому, что приезжих учащихся мало, и многие комнаты пустовали бы, если бы такие, как я, их не заполняли. Сколько я работ переменял, и не сосчитать. Одно время даже по профилю работал: в ателье по ремонту теле- и радиоаппаратуры. Но, получив зарплату, сразу свалил. Этих грошей хватало лишь на общежитие и проезд. Надо сказать, что в наш век плазменных телевизоров и лазерных компакт-дисков все знания, полученные нами в училище,

и все наши представления о радиотехнике на уровне тиристорного приемника (я утрирую, конечно, но доля правды велика) были просто ерундой.

Скажу лучше о главном. Я ведь в это время начал рассказы писать. Да. Маленькие философские рассказы. Редко писал. Но после двух лет писаний решил, что на публикацию уже вполне хватает. Решился. Понес в местный литературный альманах.

И потерпел фиаско. Дело было так: отнес, сказали прийти через две недели. Прихожу, и что же? При виде меня редактор не вскочил с места как ошпаренный и не закричал: «Молодой человек! Как я рад вас видеть! Рассказы ваши — что-то потрясающее! Мы все тут читаем и перечитываем, Боже мой, вы хоть сами-то понимаете, что вы написали?! Это же просто колоссально! неслыханно! Все потрясены», — так вот, ничего этого не было, и это был дурной знак. Вместо этого редактор долго рылся в шкафу, сначала на одной полке, потом на другой, потом с третьей полки извлек наконец мои листки. Разложил их на письменном столе и начал их пересматривать, как бы припоминая, что это вообще такое. Лютая ненависть поднялась во мне из глубин уязвленного самолюбия.

Я, конечно, знал, что творческие люди всегда с иронией относились к редакторам, все эти байки про примитивность их суждений, склонность к традиции были мне знакомы. И между прочим, я считал, что в них не столько правды, сколько мести за непризнание. Действительно, ну не могут же редакторы, люди умные, много читающие, быть такими недалекими.

Но здесь же — о ужас! — я убедился, что байки-то все — чистая правда. Лучше б редактор мне вообще ничего не говорил. Но он с видом носителя абсолютной истины вещал: «Примитивизм как стиль...» (а я и сам знаю — это мой метод), «прямолинейность...» (а что здесь такого?), «схематичность...» (а, надо сказать, половина мировой литературы — сплошные схемы). Ну и напоследок он, конечно же, посоветовал мне читать больше русской классики, особенно Льва Толстого (который, кстати, и так мой любимый писатель, особенно поздний Толстой). Публикация была отклонена: я не вписывался в конъюнктуру издания.

«Какие ж они все, оказывается, ту-пы-е! Он ничего — ровным счетом, ничего не понял в моих рассказах. Ненавижу редакторов!» — сидел я и переживал в своей душке. Но потом взглянул на проблему с другого боку: «а, может, я сам чего-то недопонимаю? в чем-то глубоко заблуждаюсь? Может, редактор прав — у меня вообще неверный подход к литературе?» Я понял, что запутываюсь, и уже сам не знаю, что мне дальше делать, как писать, о чем писать, куда двигаться. Думал ли я, что все закончится таким идиотизмом?

Осень за окном. Морозящий без устали дождь смешивает с грязью облетевшие листья. Состояние мое подавленное, настроение ни к черту, рассказы свои я видеть не могу, как, впрочем, и все остальные книги тоже.

Вот тут-то как раз и заявляется мой приятель. Пришел. Сама целеустремленность. — Хорошо, что застал тебя. У меня предложение: давай создадим свою газету.

Оказывается, в последнее время его сильно шатнуло влево — в идеологическом смысле, — даже в ультралево. Он сейчас — активист радикальной революционной организации. Взвалил на себя почетное бремя: организовать издание партийной газеты (ну, газета не газета, а просто боевой листок). План такой: он отвечает за идеологическую сторону, а редактором газеты должен стать — кто бы вы думали? — я.

— Ну, ты сам подумай, к кому я еще пойду?

Еще он много мне говорил о жизни: в жизни, оказывается, человек должен самоутвердиться. Нужно уметь заявить о себе, уметь сделать шаг:

— ...и если я умею видеть глубоко, все тонко чувствую и широко рассуждаю, а шага ступить не умею, то я медь звенящая и кимвал звучащий, — говорил он.

Глядя на беспрестанную октябрьскую морось, стуча пальцами по подоконнику, я слушал его сентенции, что только действием можно раскрыть себя, что другого пути в жизни нет, что нужно выбрать свою стезю раз и навсегда и следовать ей. И теперь он, оказывается, не мыслит свою жизнь без партийной деятельности. Все бы ничего, но когда пулеметными очередями застрекотали партноменклатурные аббревиатуры, я не выдержал.

— Ненавижу я все эти партии.

— Что? А почему, собственно?

Нужно срочно что-то придумать.

— Я индивидуалист и не терплю толпу, а партии — это всегда толпа.

Желчи во мне было хоть отбавляй. И желчь задушила во мне и редактора, и парт-активиста.

Боевой листок мой приятель издавал и без меня. Печатал в нем свои политические стихи. Мне показывал, ценил мое мнение. Не могу устоять от соблазна — приведу для примера некоторые из них:

Я помню, мне приснился Че
С гранатометом не плече.
Сказал он: «Не задушит хунта
Святые идеалы бунта».

Без комментариев.

Или вот такой стих, из цикла «Палестинские страдания»:

Вчера боевик группировки ХАМАС
Взорвал начиненный взрывчаткой КамАЗ.
Пускай сионисты натерпятя страху
И первый министр Беньямин Нитаньяху!

Смешно, конечно. Но все-таки, стихи у него лучше, чем песни. А придраться надо:

— А что, на Ближнем Востоке КамАЗы водятся?

— Да их там как грязи. А ты не знал?

Что ж, вполне может быть.

«Газета» выходила полгода. Сначала часто, потом все реже и реже. Потом выпуск прекратился. Причины? Мне они неизвестны, но думаю, что однажды ему просто надоело. Еще одно дело всей его жизни пошло прахом.

3

Прошло еще лет пять. В нашем провинциальном городке мало что изменилось. Открылись три новых бара. Но самое знаменательное — к нам четкой прагматичной поступью пришли высокие технологии в виде мобильной связи. И тут мне в кои-то веки крупно повезло. Устроился я в организацию по установке ретрансляторов сотовой сети. Работа несложная, главное — четко следовать инструкциям, иметь самые общие знания об электричестве и уметь читать элементарные схемы. Зато зарплата — у-у! о такой зарплате на периферии можно только мечтать. Одно плохо: работа быстро закончилась. Городок маленький. Всех ретрансляторов — раз-два и обчелся. Мы установили все, что нужно, и потом нас без сожаления уволили.

Я все так же жил в комнате-двушке. Творчество свое забросил к чертям собачьим. Но книги читал. А книг у меня уже было... вот здесь уместно описать свою комнату. Квадрат три на три метра. Дверь напротив окна. Под окном стол — и обеденный, и письменный — в общем, просто стол. Рядом стул. На правой от входа стене висит политическая карта мира — во всю стену. Под ней кровать. Левая стена: у входа шкаф для

верхней одежды, за ним два книжных шкафа. В одном русская литература, в другом — иностранная. Книжные шкафы я не покупал — я их делал сам. И дело не только в том, что дешевле. В покупных книжных шкафах пространство расходуется крайне нерационально. Проемы между полок большие и везде одинаковые, без учета книжной форматности. Зато уж если сам делаешь — подгонишь все с точностью до миллиметра: низ шкафа для книг энциклопедического формата (словари, атласы, альбомы с репродукциями живописи и прочее), потом идут полки для книг обычного размера, кроме того, выделяешь и проемчик для поэзии, издатели которой почему-то тяготеют к миниатюрности. Шкаф получается — просто загляденье. Все логично, все компактно, все на своем месте.

Я уже давно хотел сделать третий шкаф, чтоб переложить туда научную литературу, атласы, философию и прочее. А тут как раз очень кстати меня уволили. И деньги после работы скопились приличные, на них можно было долго прожить. Я решил: пора заняться шкафом.

Заказал на пилораме доски (заметьте, на шкаф у меня идет не какая-нибудь ДСП, а натуральная сосновая доска-двадцатка), купил бесцветный лак, полкодержатели, рояльные петли для дверец, саморезы-пятидесятку — и за дело.

Приятель мой пришел в самый разгар работы: наждачной бумагой я зачищал обрешеченную по размерам доску.

— Здорово, труд на пользу.

— Здорово, проходи садись.

Какое-то время он, сидя на стуле, вникал в суть происходящего.

— Слушай, а куда ты этот шкаф ставить собираешься? У тебя уже места нет.

— Вот сюда приткну, — указал я на угол справа от входа.

— Карту закроешь.

— Подумаешь, Тихий океан. Кому они нужны — эти острова Фиджи.

На какое-то время он умолк, потом снова:

— А куда такие полки здоровые?

— На Луне ты живешь, что ли? Большая Российская энциклопедия выходит. Вон том «Россия» уже вышел, можешь посмотреть.

Приятель погрузился в чтение. А я не спеша закончил шлифовать доски, составил их в углу (лаком завтра покрою), пол подмел. Потом пошел на общую кухню. Достал со своей полки холодильника початую бутылку немировской горилки, захватил табуретку.

— А я ведь к тебе по серьезному делу пришел, — выпив, он закурил и, делая глубокие затяжки, объявил о цели визита: — Давай создадим свою фирму.

— Фирму? — вот уж чего я никак не ожидал. — Что? Какую еще фирму?

Он принялся объяснять. А я только сейчас обратил внимание на весь его видок. Переменился, посмотрите на него — это же начинающий бизнесмен. Черная кожаная барсетка со всякой ерундой: записная книжка, ручка, калькулятор, какие-то пластиковые карточки непонятного мне назначения. На запястье болтается мобильный телефон, причем «Пантек», а не какой-нибудь там «Сименс-А25», как у некоторых, вроде меня.

Идея такая: ему предлагают по дешевке подержанный фургон «газель». Нужно купить этот фургон и заняться грузовыми перевозками — рекламное объявление дать в газету. Только у него своих денег не хватает, вот он и пришел ко мне.

— У тебя ведь, я знаю, деньги есть приличные.

— Есть. В банке на счете.

— Ну вот, сложимся. Главное, чтоб все было по-честному, чтоб все пополам.

С этим трудно не согласиться. Далее: ездить будем вдвоем, он будет баранку крутить, я — на звонки отвечать и записи вести, ну а погруз-разгруз только вместе. Люди сейчас много покупают: мебель, бытовую технику, стройматериалы, поэтому грузовые

перевозки востребованы. По его расчетам, деньги окупятся уже через полгода. Еще выпили. Слушаю его и думаю, как это в человеке такая перемена могла произойти: песни писал, стихи, революционную газету издавал, а теперь — грузовые перевозки. Как могла так планка опуститься? Что-то в нас уходит безвозвратно, что-то хорошее, дорогое, на смену приходит холодный меркантилизм.

Спрашиваю. Он рукой махнул:

— А-а, плюнуть на все и просто зарабатывать деньги, я для себя уже решил, — он прикурил очередную сигарету, — осточертело все: все эти устремления непонятно к чему, — сигаретный дым он пускал струей в оконное стекло, и дым расходился, клубясь, по стеклу во все стороны, — я вот тут все думал: как же так, люди в моем возрасте золотые медали получают на олимпиадах, чемпионами мира по шахматам становятся, на музыкальных конкурсах побеждают, а я еще ничего, понимаешь, ни-че-го в жизни не достиг, и вряд ли чего достигну. Противно, знаешь, как мне это противно — чувствуешь себя каким-то недоумком.

Что я могу ему возразить, — я и сам такой же. И мне тоже противно, что ничего не достиг. Но во мне живет беспринципный спорщик, который спорит лишь ради спора:

— Ну, в чем же дело? Занимайся чем угодно. Стихи пиши.

— А-а, — он опять отмахнулся, — ты лучше меня знаешь, что сейчас стихи писать все равно что дрова в лес возить, — на какое-то время он замолчал, потом продолжил: — Я тут недавно статейку одну прочел, м-м, забыл фамилию, — какой-то немецкий экономист-социолог тиснул. Так вот, он пишет, что экономика наиболее динамично развивается именно в той стране, где большинство людей плюют на все и начинают просто зарабатывать деньги, — он усмехнулся, — и тогда я подумал: правильно, так и надо жить — наплевать на все и просто зарабатывать деньги. И как-то, ты знаешь, даже легче на душе стало.

«Легче на душе стало». Психолог Леонтьев говорил: «Обилие информации иссушает душу». Может быть, это и так. Может быть, все эти книги и знания — лишь наркотик для алчного рассудка, но сушилка для нашей души. А безграмотные памирские пастухи — личности куда более гармоничные, чем мы. К чему я это все? Я и сам уже давно в такой же тупиковой ситуации и тоже думаю все, думаю, ищу какой-то выход и не нахожу.

— Ну что? — сказал он, — соглашайся, ты все равно сейчас уволен, работать где-то надо.

Я смотрел в окно. Я видел проезжающий по улице транспорт, дома, магазины, огни реклам, пешеходов — все то, что условно назову «жизнь». Я смотрел, как вся эта «жизнь» поднимается, восстает всем своим кишашим, сверкающим, грохочущим хаосом — все выше и выше. Наконец наваливается на нас. Лавиной. Цунами. Она несет, сметая в нас все: мыльные пузыри нравственных принципов, карточные домики мировоззренческих концепций, мишуру эстетических представлений, — сметает все, и легче становится на душе. О, мой друг! — как же я тебя понимаю!

Я не заорал от ужаса, не рассмеялся ему в лицо, не вытолкнул в гнев его взашей, я даже не усмехнулся, — я кивнул и тихо сказал:

— Я согласен.

В ПУСТОТЕ

Если долго смотреть на обыкновенную электрическую розетку, она в конце концов покажется бесформенным белым пятном. Сегодня суббота — выходной день. Я лежу с утра на своем диване. На мне синее трико и белая футболка. Я отдыхаю. Стараюсь ни о чем не думать, хотя не думать ни о чем невозможно — разные мысли так и лезут в голову, причем далеко не всегда приятные.

Я спокоен, я совершенно спокоен. Тело мое расслаблено. Правая рука вытянута вдоль него, левая — под головой. Иногда не то чтобы дрема накатывает, а просто хочется глаза закрыть, и какое-то время я лежу с закрытыми глазами. 14:46 — прошло уже полдня. Вставал только утром, прошел на кухню, выпил чая стакан и съел два бутерброда с ветчиной. И снова лежу.

Делать нечего. Включишь телевизор, пробежишься по всем каналам, попал на новости — посмотришь, а нет, то и выключай. И снова тишина, только от дороги вечный гул.

Взгляд блуждает по комнате, задерживается на отдельных предметах. Пыльные лучи солнца образуют на полу освещенный квадрат. И квадрат этот медленно ползет по линолеуму от дивана мимо письменного стола к книжному шкафу. Освещенное солнцем косое пространство воздуха полно пыли. Пылинки находятся в постоянном движении. Они хаотично мечутся, крутятся, вьются, как пиявки, хотя видимых причин для движения нет: воздух неподвижен, форточка (единственная возможность сквозняка) закрыта, в комнате ни малейшего шевеления. Но пылинки не стоят на месте. Я думаю: какая сила заставляет пылинки двигаться? Какая побудительная причина этого движения? Ведь гораздо проще зависнуть на месте, замереть, быть неподвижным (быть неподвижным!), чем двигаться. Кажется, само освещенное пространство породило этот кишасший хаос. Выходит, что движение вообще свойственно природе — движение бесцельное и беспричинное, движение само по себе. Более того, движение есть природа. И только радикальный философ может утверждать, что движения нет.

Движение есть.

В выходные дни ко мне иногда заходят так называемые «друзья», мы сидим на кухне, пьем водку, болтаем о всякой ерунде и хохочем над разной дурью, они курят, надо сказать, сам-то я не курю — денег жалко на сигареты тратить (шутка), но пепельница для «друзей» у меня всегда на столе. Потом прощаемся, и они уходят.

Но обычно в выходные дни я лежу на диване и ни черта не делаю, как сегодня. Время — 15:11. Солнце освещает книжный шкаф, и сквозь его стекла видны вырванные светом из полумрака комнаты корешки книг. Я уже давно ничего не читаю. Надоело в какой-то момент. Последнее, что прочел, — «Литературная амнезия» Патрика Зюскинда. Будто мои мысли записаны. У меня ведь то же самое — читаешь и все забываешь. Когда-то с восторгом прочитал «Дневник художника в юности» Джойса, сейчас не помню ни-че-го. Сартровские «Слова» чуть ли не конспектировал, а сейчас из памяти всплывает одна лишь дурацкая картинка: седой Карл Швейцер умиленно поглаживает по голове маленького Жана Поля. Зачем я все это читал, непонятно. Какой смысл? Откроешь книжный шкаф, пробежишься глазами по знакомым фамилиям — этот расскажет тебе об этом, тот — о том, а третьего вообще читать неохота. Да и вообще, пишут все, пишут, только пишут не о том, о чем надо. А о чем надо? Не знаю. «Какой должна быть та книга, которая бы мне действительно понравилась?» — задаюсь я вопросом, закрывая книжный шкаф. Ответа нет.

Лежу на диване. Неподвижен. О течении времени напоминает лишь мельтешение пылинок в воздухе, крики с улицы, да электронные часы на полке меняют цифры: 15:43.

Великий сказал: «Нет нужды выходить из дома. Оставайся за своим столом и прислушивайся. Даже не прислушивайся, жди. Даже не жди, будь неподвижен и одинок. И мир разоблачит себя перед тобой, он не сможет поступить иначе...» Правда истинная. Вот смотрю я вокруг, а сам неподвижен, только взгляд перебирается с предмета на предмет, и все, что я вижу: потолок, стены с обоями, стол, шкаф, окно и небо за окном, — все это вместе превращается в какую-то плоскую и пошлую картинку, в нечто незначительное, смехотворное. «Ну и пустяковина — весь этот мир», — думаю я, и радостно на душе становится. Будь неподвижен и одинок, будь неподвижен и одинок. К сожалению, вечно быть неподвижным невозможно. Голод, знаете ли, не тетка.

Прохожу на кухню. После некоторого раздумья у раскрытого холодильника решаю сделать салат. Достая пару помидоров, огурец, перец, зеленый лук и листья салата. Все это мою и нарезаю, потом заправляю оливковым майонезом, солю, — и вот вам отличный салат. Ем. Пища проникает в желудок, и голод утоляется. Через пятнадцать минут организм готов к дальнейшей жизнедеятельности, правда, в моем случае к жизни, но не к деятельности, поскольку сейчас я пойду и снова рухну на диван.

Может показаться, что, лежа на диване, я отдыхаю от своей работы, — это не так. Работа у меня не тяжелая, нервная только. Я курьер. Откройте бесплатную газету «Метро», на развороте среди рекламных объявлений увидите квадратик:

* МАСТЕРСТВО *
Любые виды ремонтов
Быстро и качественно
Тел. 8-800-341-99-10, 8-800-341-80-72

Это и есть наше общество с ограниченной ответственностью (у нас из начальства действительно никто ни за что не отвечает, особенно за свои обещания перед сотрудниками и клиентами) «Мастерство». И я в нем работаю курьером.

Каждый будний день я просыпаюсь в 5:30. Двадцать минут на завтрак, десять минут на сборы: бреюсь, надеваю белую рубашку, пепельного цвета костюм, черный галстук завязываю широким виндзорским узлом (такие специфические в нашей фирме требования к внешнему виду курьера). И в путь. Один час сорок минут — дань пригородной электричке и московскому метро. Входя в офис, креплю к нагрудному карману пиджака табличку с инициалами, и — здравствуй, новый рабочий день.

Не подумайте, что если я курьер, то мотаюсь по всей Москве с кучей важных бумаг. Я работаю в офисе. Наша фирма занимается бытовым квартирным ремонтом: сантехника, малярно-штукатурные работы, есть у нас также электрики и плотники.

Что я должен делать — я должен:

1) приносить с диспетчерской и раздавать мастерам наряды-сметы на выполнение работ;

2) носить из кабинета в кабинет различную документацию по поручению начальства;

3) сопровождать с пропускной через охрану в отдел кадров соискателей, устраивающихся к нам на работу (у нас в фирме жуткая текучесть кадров).

Работа у меня, прямо скажем, идиотская. Мало того, что набегаешься за день до одурения, так еще и орут на тебя все, кому не лень от генерального директора до последнего диспетчера. Поначалу меня это раздражало, конечно. А потом привык. Пусть орут — ничего тут не поделаешь, им это по штату положено, а мне положено безропотно сносить.

Но самое главное то, что я, по большому счету, тут не нужен, — работу мою нельзя назвать незаменимой. Мастера могут сами ходить за нарядами на диспетчерскую, им даже еще лучше: оттуда всегда можно созвониться с клиентом, выяснить подробности. Начальникам тоже проще самим бумаги носить (что многие и делают), чем меня искать по всей конторе. А что касается сопровождения новых работников, ну это просто смешно. Так за что же я получаю свои двадцать семь тысяч? А дело тут вот в чем: фирма наша еще совсем молодая. Ее учредители рассудили так: у нас будет солидная организация, и нам, конечно же, нужен курьер. А что ему делать, об этом они не подумали. В общем, если руководству взбредет в голову сократить штат или оптимизировать расходы, я — кандидат номер один на увольнение.

Да и вообще, у нас, как в любой молодой фирме, полно всякого идиотизма. Вот, допустим, такой пример. Наш генеральный директор Венцова Александра Александров-

на, женщина толстая и холерическая, по долгу службы часто навещает налоговую инспекцию. Поэтому всегда одета соответствующе: синий спортивный костюм, который еще чуть-чуть, и потребует заплат, и спортивная шапочка-петушок. В таком виде она преспокойно, безо всякого стеснения, дефилирует по всей конторе, составляя контраст с одетыми по специфическим требованиям сотрудниками. Так это еще что! Иной новичок примет ее за уборщицу — вот где ухочешься.

Но вообще, смешного в нашей работе мало, в основном нервы, нервы, нервы. О сплоченности коллектива тоже говорить не приходится. Если кто-то с тобой вдруг заговорит, что называется, по душам, то, скорее всего, в долг будет просить, а может, даже и подвох какой-то. Такая атмосфера немногим нравится, отсюда и текучка.

Завтра еще отваяюсь день, а потом опять работа. Как бы то ни было, работа — большая часть моей жизни.

Склолило в сон.

Когда проснулся (а проснулся я оттого, что автомобильная сирена взвыла во дворе и уже весь вечер не смолкала, где хозяин машины — неизвестно), часы показывали 19:23. Включить, что ли, телевизор, где этот чертов пульт? По «Культуре» драматург Евгений Гришковец убеждал собеседника, что человеку нужно слушать свое сердце, и оно подскажет. Переключил — не вынес. Почему-то я сколько ни слушал свое сердце, кроме размеренного стука, ни черта услышать не мог, ни подсказок, ни намеков. То ли сердце некачественное, то ли слушаю не тем местом. Есть еще вариант: Гришковец вместе с прочими любителями сантиментов врут напропалую. Какой вариант правильный?

По Второму каналу какой-то юморист веселил народ. Показали возбужденный зрительный зал, раскрасневшиеся от хохота лица. Я выключил телевизор и отвернулся к стене.

Может быть, у меня вообще какое-то неправильное восприятие. Весь зал смеется, а я, глядя на все это, готов заорать от ужаса. Природу этого ужаса трудно определить. С натяжкой можно сказать, что, видя подобные праздники жизни, я с особенной остротой чувствую какую-то всеобщую перекошенность, всеобщую обреченность. Чувство это — опять же с натяжкой назовем его отчаянием — иногда и по разным причинам возникает во мне. И чередуется оно с длительными периодами безразличия. Нет, слово «безразличие» не подходит, оно несет явно негативный оттенок. Есть более точное в силу своей нейтральности слово — пустота.

Пустота. Она возникла не сразу, не вдруг.

Когда-то (как это было давно!) в глухом провинциальном городке жил мальчик. Сейчас его уже нет, он умер. Тот человек, который по выходным валяется на диване с утра до вечера, хотя и носит то же имя и фамилию, что и у мальчика, но не имеет с ним ничего общего. А был ли вообще мальчик? — порой приходит на ум.

Конечно, мальчик был. С самого младенчества он смотрел на мир как на нечто волшебное, загадочное: непонятные соотношения вещей, непонятные взаимоотношения людей. И у мальчика была лишь одна цель: понять все-все, что происходит вокруг, найти в мире один универсальный закон, по которому все устроено, — найти его и жить согласно ему. А иначе зачем жить? Какой смысл в том, чтоб жить и ничего не понимать? — наивно, со свойственным детству максимализмом, хотя и не без логики, рассуждал мальчик. Но как найти этот закон? С чего начать? Мальчик решил просто: нужно как можно больше познавать, как можно больше изучать все накопленные людьми знания, и тогда постепенно понимание придет.

Самообразование мальчика было бессистемно и непоследовательно. Но к шестому классу он в некоторых науках залез уже в такие дебри, что местный библиотекарь в бессилии разводил руками и многие вопросы любителя знаний оставались без ответа.

А потом мальчик вырос, и многое изменилось в нем. Никакого «закона» он, конечно, не нашел. Большая часть знаний, которые он скопил, оказалась просто ненужным хламом. Начались шатания из крайности в крайность, в общем, профанация полная.

В поисках «закона» в середине девяностых годов теперь уже не мальчик, а юноша примкнул к одной из сект, которые плодились в то время как грибы после дождя. Там его крестили. А закончилось все скукой и отвращением.

В конце девяностых он стал членом леворадикальной партии и поначалу занял довольно активную позицию: выступал на съездах, участвовал в пикетах и всерьез думал о карьере политика. Но в один прекрасный день юноша понял, что его мнение никого не интересует, что в глазах руководства партии он прежде всего функционер. Но его партбилет, может, и не нашел бы пристанище в мусорном баке, если б секретарем местного молодежного отделения был назначен не какой-то мягкотелый и недалекий, по его мнению, человек, а он сам — наш амбициозный герой.

Сейчас противно вспоминать обо всем этом. Успокаивает лишь мысль, что сейчас я совсем другой человек, и в каком-то смысле все это было не со мной.

На рубеже веков молодой человек перебрался в Москву: в глухомани ни нормальной работы, ни приличной зарплаты. Через седьмую воду на киселе устроился на работу, которую потом много раз менял. В Подмоскovie снял комнату. Потом — однокомнатную квартиру в новостройках того же подмосковного города, который чем-то напоминал юноше его историческую родину.

Однажды, — было это два года назад — я возвращался с работы в пол-летнему душевной переполненной электричке. Толкотня. Галдеж. Я стоял в тамбуре у двери. Не помню, о чем я думал тогда, но, скорее всего, в голове моей была каша из геополитики, экономики, истории, религий и культур, и я, как обычно, тщился увязать все воедино и увидеть сквозь все какой-то общий принцип. Сквозь мельтешащий за окном лес прорывалось солнце и в какой-то момент прорвалось. Я глянул в окно. Солнце прямо в глаза. Безоблачное небо. Зеленая даль на многие километры. В вагоне духота, жара. Вот так родилась пустота.

Как бы объяснить, что это такое? Вот если б компьютер работал двадцать пять лет, а потом вдруг щелк мышкой — и стерли все, что в нем есть, но от сети не отключили. Так и сознание — оно как будто опустошилось на секунду. И возникающая пустота вдруг стала дороже мне, чем вся та каша, которая постоянно кипела и бурлила в голове. И пустота явилась альтернативой, ответом своего рода на все вопросы, которые я воздевал к небесам.

Следует сразу же оговориться, теоретически пустота во мне существовала давно. Мысль о *пустотности* себя и мира слишком проста, я бы даже сказал, слишком примитивна, чтоб явиться таким уж откровением. Мысль — да, но не чувство. Я не знаю, что нужно сделать, чтоб реально почувствовать пустоту. Чтобы в конце концов ясно понять, что есть пустота внешняя — мир и есть внутренняя — сознание. А сам человек — его тело, мысли, чувства — есть мембрана, натянутая между ними, ни больше ни меньше. Пустоты действуют на мембрану с двух сторон, мембрана дергается, колеблется: человек идет куда-то, говорит что-то, проявляет какие-то эмоции, глубоко задумывается. Как это ни покажется странно, понимание того, что я мембрана, здорово помогает мне в жизни. Все, что происходит со мной, даже самое жизненно важное, — все кажется пустым, ничтожным; и внутри я тихо улыбаюсь всему. А задумываться о чем-то нет нужды. Ведь мысли — это не более чем абсурдный, но свойственный мембране процесс.

По возможности, бездействовать и ни о чем не думать — вот то единственное, к чему я стремлюсь.

Бездействовать и ни о чем не думать.

Звонок в дверь. Резкий электронный звук влетел в комнату. Эхом поотскакивал от стен, и, кажется, преобразилось все. Будто пылинки завертелись быстрее. Вздвогнув от испуга и выйдя из оцепеняющей рефлексии, я секунд пятнадцать соображал, что к чему. Кто бы мог? А сколько времени вообще? 21:04. Звонок повторился. «Вставай, мембрана, хватит валяться!» — подумал с иронией.

— Кто там?

— Я, — женский голос.

Вера. Давненько она не показывалась. Не спеша открыл дверь. Признаюсь, волнение какое-то возникло, но быстро прошло.

— Привет.

— Привет.

Мы с ней не разговариваем. Вообще. Негласная договоренность. А потому, что смысла нет во всей этой болтологии. Ну, скажу я ей: «Как дела?» — «Хорошо, а у тебя как?» — «Нормально, как на работе?» — «Да потихоньку, у тебя тоже?» — «Да» и т. д. и т. п. Ну, согласитесь, — общение, достойное интеллекта насекомых. Да лучше уж молчать, что мы и делаем. Может быть, она молчание как-то по-своему понимает, не знаю. Зачем она приходит? Наверное, в этом для нее отдушина, выход из обыденной рутины: работа — дом — работа — дом — работа — дом.

Меня часто спрашивают, почему я такой мрачный, почему я такой грустный. Я отшучиваюсь: «Мир несовершенен» (при этом один «друг» мне подыгрывает: «Ну да, пространство-время искривлено, трудно жить честным людям»). Вот и сейчас по ее взгляду я понял, что глаза мои, как всегда, отражают разверзшуюся впереди пропасть. Вера, конечно, не сказала ничего. Она, впрочем, сама была какая-то грустная. Босоножки сняла и прошла на кухню. Достала из пакета бутылку — интересно, что на этот раз? — вермут мартины. Зарплата бухгалтера позволяет не экономить. Сев к столу на табуретку, закурила, а я достал из посудного шкафчика пару коктейльных стаканчиков, открыл вермут и, разлив его по стаканам, откинулся в кресле.

Алкоголь на меня действует быстро и сильно. Через пять минут уже зыбкая пелена отделяла сознание от реальности. В этой пелене всегда что-то жизнеутверждающее, конструктивное. Она как бы говорит тебе: «Расслабься, приятель, разве можно серьезно относиться к миру, который вот так запросто бац — и покрывается пеленой». В общем, для того, чтоб спиться, у меня есть все задатки. Почему этого не происходит? Наверное, только лишь потому, что я все-таки боюсь спиться.

Вера курила много, но курила задумчиво, неподвижно, забывала пепел вовремя стряхнуть, и он падал на ее белую блузку с короткими рукавами и острым широким воротником и на голубые джинсы. Приходилось стряхивать пепел с одежды. Она сидела, спиной прислонившись к стене, закинув ногу на ногу. Взгляд ее был прикован к закатному солнцу. А солнце освещало пласт сигаретного дыма на кухне. Дым неспешно плавал в воздухе. В его пласте выпучивались волны, отделялись протуберанцы, возникали циклонические завихрения — целая мини-вселенная. Тикали настенные часы. На улице тарахтела автомобильная сирена на подышающем уже аккумуляторе. Доживающее последние минуты солнце освещало стену, и корявая тень от сигаретного дыма плавно ворочалась на ней. На столе стояли два почти опустевших коктейльных стаканчика, на матовом стекле которых были нарисованы желтый пляж с пальмой, синее море и белый парус на волне. Грамм примерно двадцать оставалось в моем стаканчике, когда я уснул.

Сон, навеянный противоугонной сиреной

Мне приснился сон. Темно. Все в черных тонах. Я разбужен тяжелым грохотом во дворе и воем сирен. Что за чертовщина там творится среди ночи? Я встал с крес-

ла и подошел к окну. В свете уличных фонарей было видно, как какой-то полудурок на «ниве» поочередно таранит все припаркованные машины: разгон — удар; задний ход, и снова разгон — удар... удар... удар. Вокруг — черный безмолвный город под черным беззвездным небом.

И глядя на это безобразие, я подумал лишь: «Выспаться не дадут; поймать бы этого идиота и...» Не окончившись, мысль преобразилась в действие. И вот я уже внизу. Я — офицер патрульно-постовой службы. Только что прибыл на место происшествия и, оглядев ситуацию на месте, заметил стоявший посреди двора автомобиль ВАЗ-2121 «нива». Автомобиль имел характерные следы столкновений на бампере, решетке радиатора и передних крыльях. Также был замечен неизвестный, спешно покидавший место происшествия. Начал преследование.

И вот еще одна метаморфоза. Я — уже преступник, бегущий от представителя закона. Бегство — избитый сюжет моих снов. Мне часто, раз в неделю точно, снится, будто я бегу, скрываюсь, меняю личину, прячусь от кого-то. Но в конце концов я попадаю в тупик, и меня всегда находят, и после этого следует наказание: меня начинают избивать и меняют жестоко и методично. И во сне я понимаю, что они избьют меня до смерти.

Я бегу, выбиваюсь из сил, чувствую, не спастись — мой преследователь все ближе ко мне. Стремительно светает. На улице уже полно людей — целая толпа. Люди движутся вокруг, как ползучие мишени на армейских полигонах. Я, распахивая всех, прорываюсь сквозь людскую массу. Пустите меня, пустите. Быстрее, нужно быстрее. Наконец я ныряю в какой-то мрачный подвал. В нем нечистоты, духота, смрад. Тусклый свет. Может быть, я остался незамечен? Но нет. И вот уже шаги гулко звучат по подвальной лестнице. Я падаю в подвальную грязь — может, не увидит. Но он идет прямо ко мне. Все кончено. Я уже дрожу от страха перед болью, и будто тяжелый вязкий запах гематом стоит в носоглотке. Человек подходит ко мне, склоняется и говорит:

— Проводишь меня до дому?

Редко я бываю благодарен, когда меня будят. Сегодня исключение. «Мать честная, что за сны такие?»

Но вот вопрос: с какой стати я должен ее провожать?.. Хотя... летний вечер, свежий воздух, прогулка перед сном.

— Да, конечно, провожу. Подожди только, сейчас переоденусь.

Я прошел в комнату, и стены ее сассоциировались с подвальными, настолько четко кадры сна зависли в памяти. Время — 22:27. Надел черные джинсы и черную же джинсовую куртку.

Спустились вниз. Знойный день оставил по себе теплую ночь. Тишина и безветрие — не шевельнется ни один древесный лист. Я поднял воротник (привычка такая), Вера вставила в уши наушники и включила плеер. Кругом ходили юноши и девушки с бутылками пива. По улицам носились байкеры, забывшие напрочь о такой детали, как глушитель, ездили одиночные машины и полупустые автобусы.

Мы шли с ней вдвоем сквозь вавилон ночных новостроек. Она слушала свой любимый «Пикник», а я думал.

Я все думал: что за сон такой? Что бы он значил? Сон был явно не из простых. Не было в нем того бестолкового хаоса, какой обычно наполняет мои сны. Наоборот, все было последовательно, логично, завершено. Своей ясностью и четкостью он мне даже нравился, и расшифровать его труда не составило.

Смысл такой:

1. Во мне сидит «преступник» — субъект, совершающий ошибочные действия, не отдающий отчета о последствиях. Он способен на безрассудства. Он постоянно «за-

носит» меня: втягивает в секты, в политические партии, в конфликты, в авантюры, причем часто с благими намерениями. Он эмоционален и импульсивен.

2. Есть во мне и «сотрудник ППС». Он строг и хладнокровен. Этот «полицейский» противостоит «преступнику». Он говорит: «Что же ты делаешь, дурак? Думай головой!», «Зачем тебе это надо было?», «Теперь расплачивайся за свою глупость, ты этого хотел!». Он мстителен.

Если смотреть на меня со стороны, то вся моя жизнь есть колебания между «преступником» и «офицером ППС». То один берет верх, то второй. Они, надо сказать, со временем меняются. Сейчас, например, пыл «преступника» поутих, равно как и претензии «полицейского». Но повторяю: все это так, если смотреть на меня со стороны. Ведь есть еще третий.

3. Разбуженный возней «посторонний наблюдатель». Он ничего собой не представляет. У него нет ни характера, ни рассудка, ни эмоций. Иногда кажется, что его вообще не существует. Но лишь вспомни о нем — и вот он: снова открыл глаза и смотрит и за «преступником», и за «полицейским», и за всем вокруг. Глаза — единственное, что у него есть. В безмолвном равнодушном наблюдении есть какая-то особая мудрость, какая-то особая радость.

А вот уже и ее дом перед нами. Сказав «пока», Вера зашла в подъезд, и тяжелая стальная дверь закрылась, клацнув магнитным замком.

Я был доволен тем, что сон разгадан. Спать не хотелось. Теплая ночь будто сама говорила: «Почему бы просто не побродить по городу?» И я отправился наугад через какие-то дворы неизвестно куда. Я вообще люблю иногда побродить по городу неспешно и бесцельно.

Идешь и думаешь — не думать ни о чем невозможно, разные мысли так и лезут в голову. Мысли — они как волны: нахлынет одна, поглотит меня, как песчаный берег, и бесшумно сойдет, лишь пузырьки пены лопаются на песке; и вот уже вторая на подходе и снова с грохотом разбивается о твердь. Зачастую одна мысль противоречит другой, но в этом ничего страшного нет...

(Тем временем я спустился в какой-то подвальный бар, заказал пива «Великопоповицкий козел» с сухариками и, сидя в углу на кресле, смотрел, как две девушки играют в бильярд на американском столе с лузами в два шара шириной.)

...ничего в этом страшного нет, потому что мысли самодостаточны и неподотчетны. Они не средство для какой-то цели — они сами цель. А что следует из этого? А из этого следует, конечно, что цена им всем — ровный ноль. Но ведь мысли мои — это и есть я, а что же еще, как не они? Значит, и мне цена — ровный ноль. И всем моим знаниям, и опыту, и мировоззрению — ровный ноль цена.

Я вышел из бара и побрел дальше. Справа по ходу круглосуточная стройка трещала сварочными аппаратами. Тут же стояла высохшая липа. Дерево с раздавленными строительной техникой корнями простирало к черному небу свои корявые пальцы. «Вот так и я стою...» — подумал было я, но оборвал мысль: противно стало от пошлого сравнения.

Да, цена мне со всеми моими потрохами — ноль. И это прекрасно. Это просто здорово. С пониманием, что ты ноль, одновременно приходит и чувство безграничной свободы, не побоюсь сказать — абсолютной свободы. Я ноль, и, значит, я свободен.

Я вышел на пустырь, поросший травой. Такие пустыри часто встречаются среди новостроек. За ним горел огнями квартал многоэтажек. Луна в третьей четверти освещала пустырь с волнами замершей травы. Штиль. Ни одна травинка не шелохнется. Небо было бы усыпано звездами, если б не городской смог. Облако с освещенной лунной кромкой неподвижно зависло над горящим огнями городом.

Я свободен. И спокоен. Я совершенно спокоен.